
**ПРАВО
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

**ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРАВОСУДИЕ:
ОТ СУДА СООБЩЕСТВА К СУДУ СОЮЗА**

© 2015 г. Алексей Станиславович Исполинов¹

***Аннотация:** в настоящей статье рассматриваются положения Статута Суда Евразийского Экономического Союза. Этот Суд должен прийти на смену существующему с 2012 г. Суду Евразийского Экономического Сообщества. В статье рассматриваются вопросы компетенции Суда Союза и утверждается, что государства пошли на самое серьезное переформатирование юрисдикции нового Суда по сравнению с той, которой обладал Суд ЕврАзЭС.*

***Annotation:** in a present article the author considers provisions of a Statute of the Court of the Eurasian Economic Union which will replace the Court of the Eurasian Economic Community existing since 2012. Analyzing the jurisdiction of the new Court the author posits that the member states of the Union made a serious revision of the jurisdiction of the new Court of the Union.*

***Ключевые слова:** Евразийский Экономический Союз, Суд, Статут, юрисдикция.*

***Key words:** Eurasian Economic Union, Court, Statute, jurisdiction.*

На фоне многочисленных комментариев по поводу подписанного 29 мая 2014 г. в Астане Договора о Евразийском экономическом союзе практически незамеченным осталось то обстоятельство, что Договор предусматривает создание нового Суда Союза. Этот Суд должен прийти на смену ныне действующему Суду Евразийского Экономического Сообщества.

Суд Союза будет судом регионального интеграционного объединения, в котором уже закончен первый этап формирования единого внутреннего рынка – успешно завершено создание таможенного союза. Исходя из этого, есть все основания утверждать, что анализ положений Статута нового Суда будет возможен лишь с учетом как практики Суда ЕС, так и опыта Суда Евразийского Экономического Сообщества, на смену которому и должен прийти Суд Союза.

Уже первое знакомство со Статутом Суда Союза (приложение № 2 к Договору о Союзе) показывает, что государства пошли на самое серьезное переформатирование юрисдикции нового Суда по сравнению с той, которой обладал Суд ЕврАзЭС. Концептуально автор исходит из того, что значимость внесенных Статутом изменений следует воспринимать исключительно и только в свете объективной оценки решений Суда ЕврАзЭС.

Суд ЕврАзЭС, созданный на основании оформленного в виде международного договора Статута Суда, начал свою деятельность с 1 января 2012 г. Прошло совсем немного времени, и стало понятно, что, несмотря на относительно небольшое количество дел, рассмотренных Судом (это количество пока едва перевалило за второй десяток), эти решения вызывают самую разную реакцию среди как государств-членов, так и исследователей в области международного правосудия.

Так, большой резонанс вызвало решение Суда по делу ОАО “Южный Кузбасс”². В этом деле заявитель успешно оспорил в Суде один пункт из Решения Европейской экономической комиссии (ЕЭК) Таможенного Союза № 335 от 17 августа 2010 г., на основании которого российские таможенники привлекли заявителя к административной ответственности и наложили штрафы за недекларирование поставок угля в Казахстан. Суд сначала вынес решение полностью в соответствии со Статутом и Договором об обращении в суд частных лиц³, т.е. признав оспариваемое ре-

² См.: Решение Суда ЕврАзЭС по делу ОАО “Угольная Компания “Южный Кузбасс” против Евразийской Экономической Комиссии от 5 сентября 2012 г. // http://www.rg.ru/pril/70/60/82/Reshenie_ot_5_sentiabria_2012_goda.pdf

³ Полное название Договора – Договор об обращении в Суд Евразийского Экономического Сообщества хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного Союза и особенностях судопроизводства по ним (утв. решением Межгосударственного Совета Сообщества (на уровне глав государств) от 9 декабря 2010 г. № 534) (далее – Договор).

¹ Заведующий кафедрой международного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент, кандидат юридических наук (E-mail: ispolin@lexinvest.ru).

шение ЕЭК не соответствующим договорной базе Таможенного Союза. В соответствии с п. 2 ст. 11 Договора действие Решения № 335 в этом случае должно быть приостановлено с даты вступления в силу решения Суда и до приведения Комиссией этого пункта в соответствие с положениями договоров Сообщества (для этого Комиссии дается 60 дней).

Однако Суд столкнулся с тем, что это Решение оказалось невыполненным на национальном уровне. Решение Суда ЕврАзЭС не помешало Арбитражному суду Рязанской области уже 20 декабря 2012 г. вынести решение о привлечении другой российской компании к административной ответственности как раз на основании того самого Решения ЕЭК № 335. И вместо того, чтобы признать действия таможенных органов незаконными, рязанский арбитражный суд в итоге принял решение не привлекать компанию к ответственности “с учетом малозначительности деяния и с учетом деятельного раскаяния компании”. Более того, ФТС России даже разослала всем своим региональным подразделениям письмо № 01-11/08792 от 4 марта 2013 г., в котором прямо было указано, что несмотря на решение Суда ЕврАзЭС, органы ФТС призваны исходить в своих действиях из действующего российского законодательства, нормы которого и являются для таможни обязательными для исполнения.

Спустя всего лишь несколько месяцев Суду стало ясно, что формулировка Договора о том, что действие оспоренного решения лишь только приостанавливается после вступления в силу решения Суда, но при этом не теряет силу и не объявляется недействительным, оказывается уязвимой с точки зрения права и совершенно не решает проблем заявителя. Остается совершенно неясным, что делать, например, с правовыми последствиями оспоренного решения ЕЭК, которые наступили до вступления в силу решения Суда о несоответствии решения ЕЭК нормам договоров. Да и сам “Южный Кузбасс” достаточно быстро осознал, что решение Суда никак не влияет на его возможность оспорить уже взысканные штрафы. Решение как бы повисло в воздухе. После этого заявитель снова обратился в Суд с просьбой разъяснить решение от 5 сентября 2012 г. Заявитель интересовал вопрос, следует ли рассматривать признание Судом акта ЕЭК не соответствующим договорам как признание недействительности этого акта и если да, то с какой именно даты.

В Постановлении от 8 апреля 2013 г. Большая коллегия Суда ЕврАзЭС дала официальное толкование принятому 5 сентября 2012 г. решению

Коллегии Суда⁴. Из текста Постановления очевидно, что Суд ЕврАзЭС обратил внимание на отсутствие должной реакции на свое решение. Суд был весьма категоричен, заявив в резолютивной части, что признание Судом оспариваемого акта не соответствующим Договорам об образовании Сообщества влечет за собой ничтожность (недействительность) оспариваемого акта с даты его принятия, если иное не установлено самим Судом. Более того, в описательной части Суд прямо указывает, что это решение действует не только для сторон спора, но и *erga omnes*, т.е. применительно к неограниченному кругу лиц. По мнению Суда, это открывает возможность пересмотра в соответствующей процедуре судебных актов национальных судов, где были применены положения оспоренного акта, снимая тем самым сомнения “Южного Кузбасса”. Этот вывод Суда можно только приветствовать. Принцип эффективной судебной защиты применительно к праву ЕврАзЭС должен выполняться неукоснительно, так как решения ЕЭК (так же как и решения Комиссии Европейского Союза) подлежат непосредственному применению на территории государств – членов ЕврАзЭС. В этом случае без четкого правового понимания практических результатов оспаривания актов ЕЭК в Суде права частных лиц-заявителей не подлежали бы защите в полном и надлежащем объеме.

Это значит, что Суд пошел на весьма радикальное прочтение ключевых положений Договора об обращении в Суд, придав им значение, которое совершенно очевидно расходилось с позицией государств, подписавших этот Договор. Такое толкование самым радикальным образом меняло картину правовых последствий вынесенных Судом решений, в том числе и на национальном уровне.

Но в этом случае от судов требуется проработанная и убедительная аргументация, для того чтобы выводы суда были восприняты как государствами – участниками Договора, так и их национальными судами. Убедительность и авторитетность аргументации в нашем случае имеют совершенно особое значение, ибо перед нами конкретный случай судейского активизма активной позиции суда по аналогии с деятельностью Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ).

Используя этот термин, автор ни в коей мере не намерен его воспринимать в негативном смысле – как своего рода клеймо. Современная доктрина

⁴ Постановление Большой коллегии Суда ЕврАзЭС от 8 апреля 2013 г. // <http://www.rg.ru/2013/07/17/evrazes-site-dok.html>

судейского активизма исходит из политической роли судей, которые призваны действовать тогда, когда законодатель либо молчит, либо принимает законы, которые нарушают основополагающие конституционные ценности⁵. Применительно к международным судам под судебским активизмом понимают случаи, когда суд выходит в своих решениях за пределы формулировок, сферы действия и намерений государств, лежащих в основе соответствующих положений международных договоров, которые толкуются и применяются этим судом⁶.

Рассматривая в Постановлении Большой палаты от 8 апреля 2013 г. вопрос о юридических последствиях своих решений, Суд ЕврАзЭС начинает свои рассуждения с указания на принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) как на одну из императивных норм международного права. Суд приходит к выводу о том, что раз государства заключили Договор о создании единой таможенной территории и Договор о создании Евразийского Экономического Сообщества и уполномочили Суд обеспечивать их единообразное применение, то государства “обязаны учитывать правовые позиции Суда, отраженные в его решениях”. На этом строится вся конструкция рассуждений, предложенных Судом. Эта же логика потом приводит Суд к крайне серьезному выводу о том, что “решение Суда подлежит неукоснительному исполнению”, а “любой акт или действие, направленные на неисполнение или ненадлежащее исполнение судебного решения, юридически ничтожны”. Не остались без внимания Суда и национальные суды, которым было строго указано “привести правоприменительную практику судов государств – членов Таможенного Союза в отношении ОАО “Южный Кузбасс”, а также в отношении аналогичных дел в соответствии с настоящим решением”.

Таким образом, Суд придал норме Договора такое толкование, при котором она стала порождать последствия, не предусмотренные самим Договором, в том числе и в национальных правовых порядках. Требованием Суда о том, что государства и их национальные суды обязаны обеспечить претворение в жизнь толкования, данного Судом, Суд подтвердил юридическую значимость обязательности судебного решения в режиме принципа *res*

judicata. При этом из аргументов Суда вытекало, что сам факт создания Суда на основе Договора априори предопределяет обязанность государств принимать нормотворчество со стороны Суда.

Надо отметить, что, к сожалению, Суд в своем Постановлении не учел ни международную практику, ни то, что структура институтов евразийской интеграции и их компетенция еще не устоялись и находятся в постоянном движении в плане дальнейшего совершенствования.

Сегодняшние международно-правовые реалии таковы, что для любого международного суда в случае радикального толкования им положений международных договоров абсолютным императивом является учет внешних факторов. К ним в первую очередь нужно отнести возможную реакцию как непосредственно всех государств – участников Договора, так и отдельных государств, напрямую затронутых решением суда. Государства, заключившие договор, являются его полноценными властителями (*Masters of the Treaty*⁷), даже если этим договором предусмотрено создание суда, задачей которого будет толкование и применение этого договора. Государства по-прежнему сами определяют пределы и условия юрисдикции создаваемых ими судов, а также устанавливают порядок исполнения решений этих судов и, если они посчитают необходимым, меняют их юрисдикцию (или в крайнем случае могут даже прекратить их работу). И чем меньше число государств участвует в международном договоре, тем легче им это сделать. Соответствующие примеры на этот счет присутствуют. Франция в 1968 г. и в 1989 г., а также Великобритания в 1996 г. пытались изменить юрисдикцию Суда ЕС, каждый раз натываясь на сопротивление других государств ЕС, в первую очередь стран Бенилюкса, для которых Суд ЕС всегда воспринимался как один из противовесов доминированию более крупных государств⁸. Если говорить о ЕСПЧ, то сложно представить себе ситуацию, при которой все 47 государств Совета Европы согласились бы на сокращение юрисдикции ЕСПЧ. Однако при этом позиция государств по линии судейского активизма ЕСПЧ нашла свое развитие в Брайтонской декларации 2012 г. в на-

⁵ Более подробно по этому поводу см.: *Green C.* An intellectual history of judicial activism // *Emory Law Journal*. Vol. 58. 2009. P. 1195–1264.

⁶ Применительно к судейскому активизму в международных судах см.: *Zarbiyev F.* Judicial activism in international law – a conceptual Framework for analysis // *Journal of international Dispute settlement* (2012).

⁷ Термин “*Masters of the Treaty*” прочно вошел в словарь исследователей права и институтов ЕС. См., например: *Alter K.* Who are the Masters of the Treaty?: European Governments band the European Court of Justice // *International Organization*. Автор не видит препятствий для его заимствования при анализе процессов евразийской интеграции.

⁸ Подробнее см.: *Arnall A.* Me and My Shadow: The European Court of Justice and the Disintegration of European Union Law // *Fordham International Law Journal*. Vol. 31. 2007. N 5. P. 1188, 1192.

правлении пожелания Суду принимать решения о смене устоявшейся судебной практики ЕСПЧ только на уровне Большой палаты этого Суда, состоящей из 17 судей, а не палатами из 7 судей, как это бывало раньше⁹.

В ситуации с Судом ЕврАзЭС все оказалось несколько проще. Основание для принятия нового Статута Суда (и для внесения в него изменений) оказалось более чем пристойным – преобразование ЕврАзЭС из сообщества пяти государств в Союз из трех. Три государства смогли прийти к консенсусу в отношении юрисдикции нового Суда, что надо рассматривать как ответ государств на вышеуказанные притязания Суда ЕврАзЭС. В основном эти изменения состоят в следующем.

Во-первых, меняется сам порядок формирования Суда. Если раньше судьи избирались Межпарламентской Ассамблеей по представлению Межгосударственного Совета, то теперь судьи Суда Союза назначаются на должность решением Высшего евразийского экономического совета (а это главы государств – членов Союза) по представлению государств-членов (п. 10 Статута). Это бесспорно повышает статус судей Суда Союза. Однако это также и показывает, что правительства намерены контролировать весь процесс назначения судей. Принятие решения по этому поводу консенсусом означает, что состав Суда устанавливается по всеобщему согласию государств.

Во-вторых, Суд Союза лишен права утверждать свой собственный регламент, т.е. правила процедуры. Регламент Суда Союза теперь также должен будет утверждаться Высшим евразийским советом. Это решение было вызвано конкретной практикой Суда ЕврАзЭС, где Суд сам принял сразу три своих регламента¹⁰. Наличие у Суда ЕврАзЭС сразу трех регламентов, многие положения которых дублировали друг друга, вряд ли повышало эффективность Суда, а практика Суда ссылаться на нормы регламента в обоснование своих выводов не способствовала адекватному восприятию аргументов Суда. В таком решении государств оставить за собой право по утверждению правил работы Суда нет ничего необычного с точки зрения международной практики. Хотя Международный Суд ООН и ЕСПЧ самостоятельно

но утверждают свои правила процедуры, тот же Суд ЕС никогда не имел такого права. Невзирая на просьбы самого Суда ЕС, государства по-прежнему утверждают правила процедуры Суда решением Совета ЕС в соответствии со ст. 254 Договора о функционировании Европейского Союза.

В-третьих, сужена компетенция самого Суда по рассмотрению жалоб частных лиц. В его юрисдикцию по этим вопросам были имплантированы арбитражные механизмы. Так, появились коллегии экспертов *ad hoc*, создаваемые из представителей государств для рассмотрения споров о промышленных субсидиях, мер государственной поддержки сельского хозяйства, применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. Их решения являются рекомендательными для Суда. Однако далее Статут содержит фразу о том, что “в части вывода о применении соответствующих компенсирующих мер заключение специализированной группы является для Суда обязательным при вынесении решения” (абз. 3 п. 92 Статута). В этой конструкции Суд выступает даже не в качестве апелляционной инстанции на решения экспертных групп, а лишь как орган, который под своим именем выпускает решения, принятые другими институтами. Юрисдикция даже по таким вопросам, как компенсационные меры, Суду со стороны государств не была фактически предоставлена. Потенциально в том, что касается деятельности Суда, такой механизм несет в себе риски появления разных интерпретаций положений Договора о Союзе. Вполне вероятно ситуация, когда одно и то же положение Договора будет по-разному трактоваться Судом и экспертными группами.

Международно-правовая позиция по линии юрисдикции Суда ЕврАзЭС признать за собой право аннулировать решения ЕЭК обозначена в следующих параметрах. На этот счет в Статуте прямо написано, что “действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда” (п. 111 Статута). Действие оспоренного решения ЕЭК может лишь приостанавливаться по решению Суда. Как мы видим, государства в четкой форме заявили, что их не убедили аргументы Суда, и они не принимают выводы Суда, изложенные в Постановлении Большой коллегии Суда по запросу ОАО “Южный Кузбасс”. Более того, в качестве противовеса возможному нормотворчеству со стороны Суда Союза государства сделали специальную оговор-

⁹ См.: Brighton Declaration, High Level Conference on the Future of the European Court of Human Rights, p. 25(d) // http://www.echr.coe.int/Documents/2012_Brighton_FinalDeclaration_ENG.pdf

¹⁰ См.: Регламент Суда ЕврАзЭС (утв. решением Суда от 12 июля 2012 г. № 21); Регламент по рассмотрению обращений хозяйствующих субъектов (утв. решением Суда от 22 мая 2012 г.); Регламент заседаний по организационным вопросам (утв. решением Суда от 26 марта 2012 г. № 6).

ку о том, что “решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых” (п. 102 Статута).

Статут будущего Суда Союза качественно отличается от Статута Суда ЕврАзЭС также в вопросе о консультативной юрисдикции. В новом Статуте Суда Союза исключена функция вынесения преюдициальных заключений по запросам национальных судов. А ведь именно преюдициальные заключения Суда ЕС сыграли решающую роль в формировании того правового порядка Европейского Союза, который существует сегодня. Радикальность предложенных изменений будет трудно понять, если вкратце не коснуться нынешней компетенции Суда ЕврАзЭС, а также первого и пока единственного преюдициального заключения, вынесенного этим Судом.

Сегодня Суд ЕврАзЭС может выносить как консультативные заключения, так и преюдициальные. О консультативных заключениях говорится в ст. 26 Статута Суда, где указано, что с запросом на такие заключения могут обращаться государства – члены Сообщества, институты Сообщества, а также высшие суды государств-членов. Во многих международных судах помимо функции разрешения споров присутствует именно такая консультативная юрисдикция, суть которой в самом общем виде можно описать как подготовку заключений по вопросам толкования и применения международно-правовых норм по запросам государств или международных организаций. Назовем это *классическими консультативными заключениями*. Такие заключения не имеют юридической силы и являются рекомендательными по своему характеру. Наиболее известны консультативные заключения (advisory opinions) Международного Суда ООН. Мало кто знает, но такая функция есть с 1970 г. и у ЕСПЧ, который может по просьбе Комитета министров Совета Европы выносить консультативные заключения по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции¹¹.

¹¹ На основании внесенных Протоколом № 2 изменений в Конвенцию Суд может по просьбе Комитета министров выносить консультативные заключения по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции и Протоколов к ней. При этом такие заключения не должны затрагивать ни вопросы, относящиеся к содержанию или объему прав или свобод, определенных в разд. I Конвенции и протоколах к ней, ни другие вопросы, которые Суду или Комитету министров, возможно, потребовалось бы затронуть при рассмотрении. Поэтому не удивляет весьма скромное количество таких заключений – за все эти годы было всего три обращения и два вынесенных ЕСПЧ заключения.

Преюдициальная юрисдикция Суда ЕврАзЭС регулируется в ст. 3 Договора об обращении в Суд хозяйствующих субъектов. В этой статье речь идет о заключениях, выдаваемых Судом по вопросам применения договоров и решений органов Сообщества по запросам высших судебных органов при рассмотрении ими споров с участием частных лиц в случае, если эти вопросы существенно влияют на разрешение дела по существу. В особом порядке находится преюдициальная юрисдикция ряда региональных интеграционных судов (например, Суда ЕС или Андского трибунала – суда интеграционного объединения группы латиноамериканских государств). В рамках этой юрисдикции суды уполномочены выносить заключения по вопросам применения права интеграционных объединений в ответ на запросы национальных судов. При этом национальные суды вправе обращаться с таким запросом при рассмотрении ими споров с участием частных лиц в том случае, если эти вопросы существенно влияют на разрешение спора по существу. Направляя такой запрос в международный суд, национальный суд в этом случае приостанавливает свой процесс, дожидаясь заключения, и выносит решение по существу уже после получения ответа, опираясь на выводы международного суда. Отсюда и название таких заключений – *преюдициальные* (preliminary rulings).

Сравнивая преюдициальную юрисдикцию Суда ЕврАзЭС и Суда ЕС, автор еще год назад в своей статье писал о неэффективности механизма предварительных заключений Суда ЕврАзЭС в силу того, что право обращаться в суд с такими запросами дано только высшим судам государств-членов¹². Практика того же ЕС говорит, что высшие суды крайне неохотно идут на такое, руководствуясь обостренным чувством конкуренции с Судом ЕС за право сказать последнее слово в вопросах толкования и применения правовых норм. Конституционные суды Германии, Италии, Бельгии и Франции длительное время вообще ни разу не обращались в Суд ЕС с такими запросами. Зарубежные исследователи назвали такую политику высших судов весьма красноречиво – политикой “не спрашивай Суд ЕС, и он не сможет что-то сказать”¹³.

Первое преюдициальное заключение Суда ЕврАзЭС было вынесено по запросу кассационной

¹² См.: *Исполинов А.С.* Первые решения Суда ЕврАзЭС: теоретические и практические вопросы юрисдикции // *Росс. правосудие*. 2013. № 6. С. 89–101.

¹³ *Alter K.* The European Courts political power. OUP. 2009. P. 98, 99.

коллегии Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь, которая обратилась в Суд с запросом о толковании и применении отдельных положений решений Комиссии Таможенного Союза. Заключение Суда ЕврАзЭС было вынесено в позиции, когда обратившийся с запросом национальный суд свой же запрос буквально через несколько дней отозвал. Поэтому концептуальный интерес представляют аргументы Суда, который в итоге вынес решение по запросу, несмотря на то что национальный суд недвусмысленно показал, что ответ на запрос ему не нужен. Статья 40 Регламента по рассмотрению обращений хозяйствующих субъектов (утвержденного самим же Судом) устанавливает, что производство по делу прекращается в случае, если заявитель запроса отозвал свой запрос и такой отзыв принят Судом. Как показало уже первое преюдициальное заключение, Суд все же сделал упор именно на свое согласие с намерением национального суда отозвать запрос, а не на желание национального суда. Суд указал при этом на невозможность принятия отзыва, “поскольку иное решение не отвечает интересам процессуальной экономии”, что уже “была проделана работа, связанная с привлечением специалистов государств – членов Таможенного Союза в области международного права, внешнеэкономической деятельности и таможенных правоотношений”, а также на то, что белорусский суд не представил обоснования своего отзыва уже поданного запроса.

Среди аргументов, выдвинутых Судом для рассмотрения запроса в рамках своей юрисдикции, выдвигается требование национальному суду обосновать свой отказ от уже поданного в Суд ЕврАзЭС запроса. Такой подход фактически выходит за пределы системы преюдициальных заключений. Суд внес свой собственный вклад в практику международного правосудия, требуя при этом от заявителя представить обоснование для отказа, с которым Суд может еще и не согласиться. При обстоятельствах, когда это требование не содержится в Регламенте Суда, оно в объективном порядке представляет собой элемент новации. Общепризнанная практика здесь такова. Международные суды (тот же Суд ЕС) устанавливают на этот счет фильтр на пути необоснованных запросов, оставляя за собой право не принимать некоторые запросы¹⁴.

¹⁴ “п. 67. В соответствии с устоявшейся практикой Суда имеется презумпция уместности в отношении вопросов интерпретации права Сообществ, с которыми обращается национальный суд, и национальный суд должен сам определить (а Суд ЕС не должен это проверять), в каком фактическом и правовом контексте суды действуют. Суд ЕС

Знакомство с резолютивной частью заключения раскрывает общую позицию суда по заявленному делу. Суд, в частности, постановил, что преюдициальное заключение Суда (в решении Суд называет его решением) является обязательным, обжалованию не подлежит, вступает в силу после его провозглашения и действует непосредственно на территории государств – членов Таможенного Союза. Суд также заявил, что суды государств – членов Таможенного Союза должны учитывать правовые позиции, изложенные в решении Суда. Более того, судья по особым мнениям судей, Суд фактически предопределил свою позицию давать обязательные указания национальному суду в отношении того, как применять (или не применять) нормы внутреннего права в рассматриваемом национальным судом деле.

Оценивая заявления, сделанные Судом в резолютивной части, можно сказать, что Суд пошёл значительно дальше всех международных судов (включая Суд ЕС), объявив об обязательной силе своих заключений не только для национального суда, его запросившего, но и для национальных судов всех стран – членов Таможенного Союза. В порядке констатации Суд не представил соответствующих аргументов в пользу своего решения.

Непредставление в режиме целостности всей надлежащей юридической аргументации со стороны Суда ЕврАзЭС поставило в порядке востребованности задачу создания нового судебного органа.

В новом Статуте Суда Союза консультативной юрисдикции Суда посвящено всего лишь несколько пунктов. В них говорится, что Суд по заявлению государства-члена или органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Сою-

отказывает в рассмотрении запроса от национального суда о преюдициальном заключении только тогда, когда вполне очевидно, что искомая интерпретация права Сообщества не имеет отношения к основному процессу, либо проблема является надуманной, либо когда у Суда нет достаточного фактического или правового материала для того, чтобы дать полезный ответ на поставленные вопросы”. Case C-210/06 *Cartesio Oktató és Szolgáltató bt*, Judgment of the Court (Grand Chamber) of 16 December 2008 // <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-210/06#>. См. Также: *Joined Cases C-222/05 to C-225/05 van der Weerd and Others* [2007] ECR I-4233, par. 22 // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62005J0222:EN:HTML>

за, связанных с трудовыми правоотношениями (ст. 46). Постановочно в Статуте специально оговаривается, что разъяснение Суда означает предоставление консультативного заключения (ст. 47), а само консультативное заключение по заявлению о разъяснении носит рекомендательный характер (ст. 98). Отдельно упоминается, что государства сами должны определить, кто из органов государства будет уполномочен обращаться в суд за разъяснениями. Судя по всему, этот перечень будет предельно узким.

Сравнивая эти положения с консультативной юрисдикцией Суда ЕврАзЭС, можно прийти к выводу о том, что новый Суд Союза в принципе не будет обладать правом выносить преюдициальные заключения. Ему оставлена функция выносить лишь классические необязательные заключения по запросам государств или институтов Союза. Вопрос о преюдициальной юрисдикции был исключен из Статута Суда.

Соответственно, основная тяжесть по применению актов Союза ляжет именно на национальные суды. Тем самым национальные суды будут создавать свои национальные версии толкования и применения тех или иных положений норм права Союза. Вместе с тем взаимодействие Суда Союза и национальных судов, нацеленного на единообразное применение норм права Евразийского Союза всеми национальными судами стран Союза, призвано содействовать созданию единого правового пространства в режиме верховенства права. В порядке востребованности новый Статут Суда Союза оставил ряд подлежащих решению нерешенными целый ряд проблем.

Во-первых, ЕЭК уже сейчас принимает акты, которые напрямую касаются интересов и прав физических лиц, а не только предприятий. При этом обжаловать решения ЕЭК можно только в Суде Союза. Однако новый Статут по-прежнему предоставляет право обжалования таких актов только “хозяйствующим субъектам”, к которым относятся юридические лица, а также индивидуальные предприниматели. Вне юрисдикции Суда остались общественные организации, профсоюзы, частные лица-непредприниматели, которые также могут быть затронуты решениями Комиссии. Применительно к Евразийскому экономическому союзу, где провозглашено создание единого внутреннего рынка, такая ситуация представляется принципиально неприемлемой. Весь круг заинтересованных частных лиц призван иметь право эффективного судебного обжалования решений ЕЭК, которые их непосредственно

касаются. Включенность здесь ЕСПЧ обозначена практикой, согласно которой государства вправе передавать часть своих суверенных полномочий международным организациям при сохранении за этими государствами ответственности по Конвенции за все действия своих органов, предпринятые в соответствии с международными обязательствами вследствие участия в данной международной организации¹⁵.

Говоря же о соответствующей позиции по отношению к евразийской интеграции со стороны конституционных судов стран – членов Евразийского Союза, нужно отметить, что уже сейчас целый ряд положений Таможенного кодекса Таможенного Союза действует на территории России именно в версии Конституционного Суда РФ¹⁶.

В качестве еще одного очевидного пробела в учредительных договорах Евразийского Сообщества и Евразийского Союза можно указать отсутствие какого-либо возмещения ущерба, понесенного частными лицами в результате применения решения ЕЭК, которое было ими успешно оспорено. Нынешний Статут Суда ЕврАзЭС прямо запрещает Суду рассматривать такие требования. Статут Суда Союза просто воспроизводит эту формулировку, оставляя вопрос открытым. Автор убежден, что без решения этого вопроса о возмещении ущерба сама система судебного контроля за актами ЕЭК оказывается неполной и неэффективной.

Наконец, осталась без изменений вызывающая вопросы конструкция апелляционного рассмотрения дел в Суде. В соответствии с п. 1 ст. 9 Статута Суда ЕврАзЭС (этот пункт дословно воспроизведен в п. 80 Статута Суда Союза) апелляционная палата образуется из оставшихся судей Суда, которые не принимали участия в рассмотрении дела по первой инстанции. Таким образом, если в одном деле первая тройка судей будет рассматривать дело по первой инстанции, а вторая тройка – в качестве апелляционной палаты, то в другом деле судьбы могут поменяться

¹⁵ ECHR. *Bosphorus Airways v Ireland* no 45036/98. 30 June 2005. P. 152, 153.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Худайназарова Мурата Реимназаровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 150, 153 и 195 Таможенного кодекса Таможенного Союза” от 17 ноября 2011 г.; Определение Конституционного Суда РФ “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании “Team Niinivirta AY” на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 2 статьи 80, пункта 1 статьи 91 и пункта 1 статьи 342 Таможенного кодекса Таможенного Союза” от 2 июля 2013 г.

местами. Сегодняшний порядок рассмотрения апелляционных жалоб в Суде чреват серьезным конфликтом интересов.

Кроме того, практика Суда ЕврАзЭС выявила судебную незащищенность сотрудников ЕЭК и других институтов Союза в части их трудовых отношений. Отказ в рассмотрении жалобы гражданина Грушенкова¹⁷ высветил проблему судебной защиты служащих институтов Сообщества (ЕЭК, Суда, Межпарламентской Ассамблеи). В этом деле заявитель, не прошедший конкурсного отбора в ЕЭК и желающий оспорить результаты конкурса, обратился в Суд за разъяснениями в отношении того, может ли он обратиться в Суд ЕврАзЭС. Суд ЕврАзЭС отметил, что в соответствии с Договором о Евразийской экономической комиссии все спорные вопросы такого рода должны рассматриваться в еще не созданной комиссии по этике в ЕЭК, но этого явно недостаточно для эффективной судебной защиты такой категории лиц. В Договоре о Евразийском экономическом союзе сказано, что сотрудники институтов Союза обладают статусом международных служащих. Очевидно, что число таких служащих будет только расти, и это потребует отдельного правового регулирования, в том числе и особого порядка рассмотрения споров. В Европейском Союзе трудовыми спорами служащих ЕС занимается специальный Трибунал по гражданской службе, рассматривающий порядка 120–130 дел в год. Статут Суда Союза не предусматривает юрисдикции Суда по трудовым спорам. Положение о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (Приложение 32 к Договору) содержит положение о том, что трудовые отношения служащих институтов Союза регулируются законодательством государства пребывания с учетом норм этого Положения. Судя по всему, это означает, что все трудовые споры служащих или будут рассматриваться национальными судами, или не будут рассматриваться судами вообще. Суду Союза отведена роль органа, который может представлять необязательные консультативные заключения по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза по вопросам трудовых отношений.

Подлежит решению и вопрос о переходном периоде. Ведь речь идет не о переименовании Суда, но о создании нового Суда Союза. И здесь присутствует комплекс. Во-первых, надо будет понять, что делать с делами, которые уже нахо-

дятся на рассмотрении нынешнего Суда. Во-вторых, вполне очевидно, речь идет о прекращении полномочий нынешнего состава Суда ЕврАзЭС и о назначении судей Суда Союза уже в соответствии с новым порядком. Пока сложно сказать, будут ли это те же судьи, что и сейчас, либо появятся новые лица. Очевидной представляется международно-правовая значимость – Суд Союза. А новацией здесь является то обстоятельство, что срок полномочий судей увеличен с прежних шести лет до девяти. Это ставит Суд в этом отношении наравне с Международным Судом ООН и ЕСПЧ. В институционно-правовом плане назначение судей осуществляется на основе консенсуса.

Перед новым судом встанет первоочередная задача восстановить судебный диалог в режиме верховенства права. Если брать в качестве примера практику Суда ЕС по созданию европейского правопорядка, то у судей нового Суда Союза должен быть особый интерес к процессу отправления правосудия. В плане сравнения вся деятельность Суда ЕС предметно нацелена на достижение справедливых решений¹⁸. Суд ЕС всегда исходил из того, что национальные суды являются его основными союзниками, и навязывать им что-то без их согласия и готовности сотрудничать было бы равносильно “судейскому колониализму”. Отсюда и совершенно особый подход Суда ЕС в диалоге с национальными судами, который был остроумно назван исследователями права ЕС “куртуазной педагогикой”¹⁹. В ходе этих педагогических мастер-классов Суд ЕС последовательно объяснял свои доктрины, и не обязывая национальные суды им подчиняться, констатировал востребованность взаимодействия между национальными судами и Судом ЕС по линии обеспечения достижения справедливого решения²⁰.

Говоря о нормотворчестве будущего Суда Союза, автор исходит из того, что для дальнейшего успешного развития евразийской интеграции судебное нормотворчество неизбежно. Позиционно нормотворчество может быть объяснено двумя факторами. Во-первых, самим характером договора о Евразийском Союзе и его приложений.

¹⁸ *Cappelletti M., Golay D.* Judicial Branch in the Federal and Transnational Union in: *Cappelletti M., Seccombe J., Weiler H. (eds)*. Integration Trough Law. Vol. 1. Berlin, 1986. P. 333.

¹⁹ *Pollicino O.* The New Relationship between National and the European Courts after the Enlargement of Europe: Towards a Unitary Theory of Jurisprudential Supranational Law? // *Yearbook of European Law* (2010). Vol. 29. P. 99.

²⁰ *Weiler I.H.* Federalism and Constitutionalism: Europe's Sonderweg. Harvard Jean Monnet Paper (10-2000). P. 13 // <http://www.jeanmonnetprogram.org/archive/papers/00/001001.html>

¹⁷ См.: Постановление Большой коллегии Суда ЕврАзЭС по запросу гражданина Грушенкова от 20 января 2014 г. Дело № 2-2/1-2014.

По обстоятельствам своей включенности в современный миропорядок Договор о создании Евразийского экономического союза показывает здесь всю свою международно-правовую значимость. Во-вторых, принятие решений на уровне Союза консенсусом приведет к тому, что в целом ряде случаев назревшая проблема может быть быстрее и эффективнее решена сначала на уровне Суда, а уже потом найдет свое закрепление в нормативных актах Союза.

Суд Союза как орган международного правосудия предметно ориентирован на поддержание

международной законности и правопорядка. Заявленная приверженность государств – членов мирового сообщества верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) здесь представлена как готовность государств строить свое поведение в соответствии с целями и принципами Устава ООН. Позитив международного права по обстоятельствам учреждения Суда Союза призван быть реализован и обеспечен в порядке его практической деятельности по линии международного правосудия.